

«Дорого всякому порядочному человеку»

СЕГОДНЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 175 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ НИКОЛАЯ
ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ

Для каждого из нас существует Гоголь, хрестоматийно известный со школьной скамьи. Гоголь — восторженный патриот Малороссии — в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Гоголь, обличающий провинциальную духовную затхлость, «пошлость пошлого человека», — в «Миргороде». Гоголь, ненавидящий, сочувствующий и испытывающий отвращение к забитому и самому себе немилостивому «маленькому человеку», — в «Петербургских повестях». Всегда — гневный противник оплетающих Россию «мертвых душ». Такого Гоголя — великого в зримых проявлениях критического реализма — мир знает уже больше ста лет. Имя Гоголя «дорого всякому порядочному человеку на Руси» — по словам Владимира Ильича Ленина.

Но каждая эпоха, не говоря уже об индивидуальном восприятии, выделяет в нем что-то особенно важное ей.

Гоголевский смех. Он многозначен, из него вырастают гоголевская фантастика и гоголевская лирика.

Гоголь сам высоко ставил силу смеха: «Смех — великое дело: он не отрицает ни жизни, ни имени, но перед ним виновный — как связанный заяц...»

Дружба, связывавшая Гоголя с Пушкиным, выливалась в постоянное, действенное внимание последнего к творческим мучениям и обретениям младшего собрата. Гоголь мог с наивной требовательностью написать Пушкину: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русский чисто анекдот». С трудом отыскивая для себя сюжеты, Гоголь и вправду нередко использовал простенькие, «подаренные» ему Пушкиным или кем-нибудь еще анекдоты и житейские истории.

Однако забавные анекдоты удивительно и естественно обретают у него совершенно иное качество. Неожиданность в обычном и привычка русских обывателей к абсурдности своего существования — в этих двух гранях жизни для Гоголя преломляются «совершенно невероятные события» (определение жанра пьесы «Женитьба», которое можно также отнести и к «Ревизору», да и к повестям, вроде «Носа», «Записок сумасшедшего», «Портрета», «Коляски»).

Прозорливый Гоголь ви-

дел невероятное не в том, что заезжего мелкого чиновника перепуганные провинциалы приняли за ревизора, и не в том, что собравшийся жениться ленивец выпрыгнул со свадьбы в окно. Необыкновенное — не внешнее — занимает писателя и сообщает его произведениям энергию проникновения через время. Суть жизни российских обывателей — вот что невероятно, вот что вызывает его обличительный смех. Обнажая эту суть, саркастически назвал он две свои знаменитые пьесы. В «Ревизоре» нет ревизора — есть лишь привычка к суете, лжи, страху и прочим пакостям, лишаящим людей облика человеческого. В «Женитьбе» — женитьба так и не состоялась, а идет мелочное верчение женихов вокруг ожидаемой выгоды, и сбежавший через окно от невесты задумывается не о предательстве своем, а лишь о том... прилично ли показаться на улице без цилиндра.

Художественная концентрация невероятных житейских проявлений обывательского духа ведет к тому, что Гоголь-сатирик неуклонно смыкается с Гоголем-фантастом. Собирает анекдотически типичных ситуаций и лиц, писатель умеет создать и любит фольклорно-сказочную фантазмагоричу. «Вий», «Майская ночь» — тому прямые свидетельства. Но постепенно на смену сказочному черту в «Ночи перед рождеством» — этакому своему парню, свату или куму среди наивно хит-

рых селян — приходит вполне обывденный Чичиков, заваривающий «чертовщину» покупки мертвых душ.

Многообразием своим и яркостью гоголевская сатира-фантастика оказалась мощное воздействие на писателей последующих поколений: от А. Сухово-Кобылина, чьи чиновники и полицейские в «Смерти Тарелкина» стали развитием гоголевского образа человека-оборотня, воплощенного в Чичикове, Хлестакове и т. п., до И. Ильфа и Е. Петрова, М. Булгакова с их житейски узнаваемыми и гротесково-обобщенными сатирическими персонажами.

Сила гоголевской сатиры даже там, где она реализуется не в жизнеподобных образах, — это, по словам Н. Некрасова, «правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе».

Правда эта поражает тем больше, чем явственнее звучит произносящий ее авторский голос — гневный, нежный, горестный, ликующий. Собрав в «Мертвых душах» крохоборов и дураков, прожектеров и воров, «вурдалаков», паразитирующих на чужой крови, Гоголь назвал свое уникальное произведение поэмой. Любовь и надежда, замешанные на тоске, окрашивают лирические отступления и заставляют ощутить духовную антитезу чичиковскому миру. Лиризм гоголевской прозы обладает неотразимой силой воздействия. Лишь в забавно-эпигонском «Ганце Кюхельгарте-

не», так не похожем на все-го остального Гоголя, лирика воплощалась в лунных бликах и белокурых красавицах. Истинная гоголевская лирика — это жгучая боль Тараса Бульбы за поругание родной земли, это удовольствие петербуржца от кипения жизни на многолюдном Невском проспекте. Это мудрое понимание уходящей, хоть как будто и остановившейся, жизни в «Старосветских помещиках», что с такой грустной тонкостью передает в чтении, казалось бы гоголевски ироничный И. Ильинский. Неожиданным, но близким Гоголю лирическим звучанием наполнился и поставленный А. Эфросом прекрасный спектакль «Женитьба», пронизанный грустью о несостоявшихся судьбах.

Театр обязан Гоголю многим. Даже если бы ставились только две его комедии — «Ревизор» и «Женитьба» — справедливым оказалось бы суждение А. Островского о гоголевском творчестве как о рубеже в развитии русской культуры: «Наша сценическая литература еще бедна и молода (это правда), но с Гоголем она стала на твердой почве действительности и идет по прямой дороге».

Более ста лет длится необъявленный спор: что такое «Ревизор»? Водевиль — как в первой петербургской постановке? Сатира на российские нравы — как в Малом театре с Городничим — великим современником Гоголя М. Щепкиным? Крупнейшие советские ре-

жиссеры — К. Станиславский (дважды), В. Мейерхольд, Г. Товстоногов, В. Плучек — трепетно и ответственно поднимались к этой художественной вершине. Хлестаков наивен — у М. Чехова, хитер и таинствен — у Э. Гарина, темпераментно-импульсивен — у Н. Рахимова, нагло жаден — А. Миронова, обаятельно легковесен — у О. Басилашвили... Городничий — провинциальный грубиян у Ю. Толубеева, примитивный хам у А. Папанова, умный, целеустремленный пройдоха — у К. Лаврова...

Но разве театр Гоголя мыслим без постановок «Мертвых душ» — старой во МХАТе, и недавней в Ленинградском театре имени Пушкина? Без опер Чайковского и Муссорского, Римского-Корсакова и Лысенко, Шостаковича и Щедрина на сюжеты его прозы? И «собратья» театра — кино и телевидение обращаются не только собственно к драматургии, ставя «Женитьбу» и «Игроков», но и к прозе: как не вспомнить режиссерский шедевр Г. Козинцева и Л. Трауберга — «Шинель», актерский шедевр Е. Лебедева — Поприщина в «Записках сумасшедшего»? И это неудивительно, ведь Гоголь, создавая произведения — драму ли, эпические или лирические, — чувствовал и выпукло строил истинно драматические, остро-конфликтные ситуации, очерчивал осязаемые человеческие характеры. И потому дал театру, да и всем зрелищным искусствам, много больше, чем только две-три пьесы. Он дал картину мира русского человека своего времени.

Истинному таланту свойственны сомнения. Это не поза — фраза Гоголя: «Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя мое поприще». Это безмерная требовательность и не окупаемое славой страдание — когда автор сжигает рукопись, когда человек в конце жизни (а конец наступает в сорок три года) пугается совершенного им. Ему, как заметил поэт — наш современник, «вместо смеха открылся кошмар». Горестная зоркость, страстное сочувствие униженному человеку и негодование против власти мертвых душ над живыми людьми делают Гоголя нашим современником.

Т. ЗЛОТНИКОВА.
Кандидат искусствоведения.

● МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ

ПСЕВДОНИМЫ ПИСАТЕЛЯ

▲ Первая книга Гоголя — идиллия в стихах «Ганц Кюхельгартен» была издана в 1829 году под псевдонимом «В. Алов». Драматично сложилась судьба этого издания: огорченный резкими отзывами критики автор собрал у книгопродавцов все оставшиеся экземпляры и сжег их. Тайну же псевдонима, которым было подписано произведение «восемнадцатилетней юности», он тщательно сохранял до конца своей жизни.

▲ «0000» — так своеобразно подписал Гоголь главу из исторического романа («Гетьман»), напечатанную в альманахе «Северные цветы» за 1831-й год. Известный литературовед И. Масанов, зарегистрировав эту подпись на букву 0 (в «Словаре псевдонимов», изданном в 1949 году), исходил из объяснения П. Гавеевского, который полагал, что псевдоним обязан своим рождением четырехкратному повторению этой буквы в имени и фамилии автора — НикОлай ГоОль-ЯнОвский. Сам Гоголь, посылая матери альманах, писал: «Книжка вам будет приятна потому, что в ней вы найдете мою статью... Она подписана четырьмя нулями: 0000».

▲ Орывок из повести

«Страшный кабан» под названием «Учитель», напечатанный в 1831 году в № 1 «Литературной газеты», был подписан псевдонимом «П. Глечик». (Интересно, что одно из действующих лиц упомянутого романа, опубликованного в «Северных цветах», — миргородский полковник Глечик). В этом же номере «Литературной газеты» помещена статья «Несколько мыслей о преподавании детям географии», под ней стоит подпись «Г. Янов», по фамилии Гоголь-Яновский.

▲ Впервые подпись «Н. Гоголь» появилась в том же году в № 4 «Литературной газеты» под статьей «Женщина». Правда, когда писатель задумал издавать свои украинские повести, издатель П. Плетнев посоветовал ему придумать завлекательные для читателей заглавие и псевдоним. Так родились «Вечера на хуторе близ Диканьки». Повести, изданные псевдонимом Рудым Паньком. Каково происхождение этого псевдонима? Деда писателя звали Афанасий Демьянович. Укра-

инское имя — Опанас, Панас, уменьшительное Панько. Рудый — рыжий — с золотистым отливом, намек на цвет волос автора.

▲ После выхода в 1832 году «Вечеров» Гоголь пользовался псевдонимами только дважды. Под статьей «Петербургские записки», напечатанной в 1837 году в № 2 «Современника», он поставил три звездочки. А через пять лет после этого подписал знаками «№№» рецензию на альманах «Утренняя заря» в «Московитянина».

В. МИЩЕНКО.
Научный сотрудник музея Н. В. Гоголя.
Полтавская область, Миргородский район, с. Великие Сорочинцы.